

Рассказ Гарри

После того, как отец поприветствовал меня дома и дал мне несколько минут побыть одному в своей комнате, он пригласил Гекату, богиню магии, в свой личный храм, и сама богиня помогла мне снять Гламур, который мама и дядя Джеймс - так мама просила меня называть его - наложили на меня в тот день, когда я был доставлен на эту плоскость.

Разрыв был шокирующе болезненным, и отец тут же позвал Аполлона, который, как ни странно, позвал Аида, на что отец согласился, несмотря на правило, согласно которому Аид допускался на Олимп только во время зимнего солнцестояния. Бог смерти прибыл быстро, и то, что произошло после этого, меня напугало.

Он бросил на меня лишь один взгляд и вдруг потянулся рукой к моему шраму, вырывая из него какую-то темную магическую материю, которая, чем больше он ее вырывал, тем сильнее ослабляла боль от снятого с меня Гламура, а когда темная материя оказалась у него в руке, он кивнул отцу, после чего резко ушел.

Ни отец, ни Аполлон не сказали мне, что такое Темная Материя, только сказали, что теперь о ней должен позаботиться Аид, что несколько не облегчило моего беспокойства по поводу того, что, по-видимому, было частью меня все эти годы, и хотя часть меня задается вопросом, знает ли кто-нибудь об этом, в настоящее время меня это не очень волнует.

Не тогда, когда магический барьер отделяет меня от матери, с которой я потерял связь четырнадцать лет назад и которая только недавно получила возможность принять меня обратно как своего сына. Не тогда, когда все, даже встретивший меня мальчик, кажется, до смерти шокированы тем, что я знаю о своем происхождении, не говоря уже о том, кто мой отец на самом деле.

Размышляя о том, не испортил ли я все свои шансы с этими людьми еще до того, как у меня появился хоть один, я не могу не дрожать от страха перед отказом, одновременно борясь с желанием просто пройти сквозь барьер и вернуться в объятия матери, надеясь, что она вернет меня отцу и мы сможем забыть обо всем этом.

"Нет, ты знаешь, что твой отец хочет, чтобы ты была здесь. Пророчество и твоя жизнь - единственная причина, по которой он делал все, что делал в последние несколько часов. Ты должен оставаться сильным. Когда отец расскажет им о своих реальных планах, они не захотят отвергать меня из-за моего родства - я надеюсь". На этом поток моих мыслей заканчивается, заставляя меня сглотнуть.

И тут стоящий передо мной мальчик, явно на несколько лет младше, но с тем же болезненным блеском в глазах, который, как я знаю, был у меня до недавнего времени, - блеском человека, ставшего свидетелем смерти, - поворачивается от меня к маме и спрашивает: "Как? Я... я имею в виду, что он, очевидно, твой родитель, так что... как? Как у тебя два отца?"

И хотя я чувствую облегчение, так как по одному взгляду могу сказать, что многие из окружающих меня вооруженных людей испытывают такое же любопытство, особенно те, у которых кинжалы и поразительные серые глаза, я отвечаю: "Там, откуда я родом, люди живут под древним благословением Гекаты, которое распространялось на мужские и женские связи и части тела.

Ее благословение позволило моей матери носить меня, даже будучи мужчиной, потому что Фибус Аполлон предсказал, что я рожусь, но что моему отцу не будет позволено общаться со мной в течение пятнадцати лет, а я и моя мать должны были прожить те же пятнадцать лет боли и страданий, что и сбылось".

И хотя я стараюсь не обращать внимания на эту ситуацию, я знаю, что никогда больше не буду посещать занятия по Прорицаниям и что ни Трелони, ни две её лучшие ученицы, Парвати и Лаванда, никогда больше не должны пытаться предсказать мне что-то плохое, так как я сомневаюсь, что я легко обойдусь с ними, если они это сделают, с помощью ли моих божественных сил или нет.

И все же, хотя ответ, кажется, сначала шокировал всех обитателей лагеря, кентавр, который выглядит слишком старым, чтобы быть таким молодым в движениях и чертах лица, выходит вперед и говорит: "Для меня большая честь иметь предсказанного сына Зевса в нашем лагере. Есть ли у Его Величества какие-нибудь послания, которые он хотел бы передать нам?"

На что я пожимаю плечами, поскольку отец уже предупредил меня, что это может произойти, и он говорит: "Только то, что ужин объяснит, почему "Захват флага" был отложен без объявления даты перезапуска". И это, кажется, успокаивает последние нервы почти всех окружающих, заставляя их опустить оружие.

Сам Кентавр тоже, кажется, обрадовался этой новости, что не является для меня загадкой, так как отец объяснил мне, что этот Кентавр также отвечает за все мероприятия, проводимые в Лагере, и спросил: "Может быть, это исходит от Него Самого?" И хотя по его тону я понимаю, что он в это не верит, тем не менее, я киваю в знак согласия.

Кентавр, кажется, потрясен этим и рассеянно говорит: "Перси, покажи ему Хижину, ладно?" И пока младший мальчик рядом со мной смущенно смотрит на названный номер, мне лично интересно, какой будет хижина, ведь отец проговорился, что добавил внутрь несколько игрушек и атрибутов, чтобы я чувствовал себя желанным гостем.

Кентавр пускается в галоп, сам ритм его движения свидетельствует о том, что он был выведен из равновесия новостью о том, что мой отец лично прибудет в лагерь, чтобы передать сообщение, и хотя это заставляет многих из тех, кто пришел сюда вместе с ним, бросать на меня странные взгляды, они все же следуют за тренером героев.

Перси как-то странно смотрит на меня, и я отвечаю: "Мой отец уже забрал меня. Поэтому я прохожу мимо хижины Гермеса и сразу попадаю к отцу". И хотя это, кажется, шокировало парня, он, тем не менее, кивает и, когда мы подходим к поселению хижин, поворачивается ко мне лицом, говоря при этом:

"Ты поосторожнее, я слышал, что в этой хижине уже много лет никто не останавливался. Наверное, будет очень пыльно". Но на это я качаю головой и говорю: "Отец готовился к моему приезду. Он давно знал, что я не должен приезжать сюда, пока мне не исполнится пятнадцать лет, а это случилось несколько недель назад".

И хотя я легко улавливаю нотки ревности в морском цвете зеленых глаз, которые, очевидно, узнала моя мама, так как, увидев их, он очень интересно улыбнулся, мальчик качает головой и спрашивает: "Значит, если бы пророчества не было -?" И хотя я уже знаю, как он хочет, чтобы я ему ответил, говорю ли я:

"Если бы его не было, я мог бы вообще не родиться". Что, к моему небольшому удовольствию, действительно вызывает громкий раскат грома над всем лагерем, заставляя многих проходящих мимо нас отдыхающих - даже тех, кто постарше, - потрясенно переглянуться, доказывая, что отец давно не позволял себе так ясно выражаться.

Наконец, мы достигаем моего нового временного дома - Хижины №1, к удивлению некоторых лагерников, которые не приехали с Хироном и в данный момент играют в баскетбол, и хотя толстый белый мрамор стал для меня уже привычным после того, как я узнал о своем наследии, я все же поднимаю бровь, глядя на это строение.

"Папа, конечно, любит доказывать, что он Большой Человек". Я молча прокручиваю в голове мысль о том, что если я выскажу свое мнение, то просто напугаю других отдыхающих вокруг меня очередным раскатом грома, и тут Перси поворачивается ко мне, его глаза любопытны и все еще игривы, он ухмыляется и спрашивает: "Готов заглянуть внутрь, сын Зевса?"

И пока его последние три слова заставляют одного из игроков уронить мяч, который он вел в дриблинге, в результате чего он отскочил далеко за пределы поля, я бросаю на него взгляд, говорящий: "Ты серьезно спрашиваешь меня?" Его поведение напоминает мне близнецов Уизли, когда он смеется и открывает передо мной двойные бронзовые двери.

Зайдя внутрь, я не могу сдержать огромной ухмылки, которая появляется на моём лице, так как, кроме гигантской статуи моего отца, который держит в одной руке Мастер Болт, а другой упирается в потолок, как бы говоря, что я буду держать эту Хижину крепко для тебя, вся Хижина оформлена и обставлена так, как будто я действительно живу в общежитии мальчиков Гриффиндора.

Деревянный пол, каменные стены, односпальная кровать с балдахином, занавески которой украшают облака, несколько окон от пола до потолка, в рамках которых установлены удобные кресла. В левой стене - дверь, которая, я точно знаю, ведет в ванную комнату с душем, ванной и несколькими раковинами со шкафами под ними.

В целом, несмотря на то, что большая часть кабины отделана бронзой, белым мрамором, а все мягкие материалы сделаны из облаков, вся она вызывает у меня ощущение, будто я только что переступил порог общежития пятых курсов факультета Гриффиндор, окрашенного в белый, золотой и бронзовый цвета, и только тогда я замечаю, что здесь что-то не так.

Там, где в Хогвартсе всего пять кроватей, есть несколько шкафов, один из которых с двойными дверцами, другой - с четырьмя выдвижными ящиками, расположенными друг под другом, и последние два элементарных сундука с простой системой застёжек, стоящих у стен, где стояли бы кровати, если бы я не был единственным сыном Зевса в мире.

Гадая, для чего могут быть нужны все эти шкафы и сундуки, я подхожу к шкафу у задней стены, с двойными дверцами, и когда открываю их, глаза мои расширяются, а рот опускается: в шкафу лежат стопка за стопкой рубашки, две дюжины вешалок с брюками, штанами и джинсами и целая коробка обуви.

Пораженный всем тем, что я вижу только в этом шкафу, я смотрю на четырехстворчатый шкаф и сундуки, решаю направиться к одному из них и, открыв его, обнаруживаю, что он до отказа набит всевозможными игрушками - от гоночных машин до скакалок и книжек со сказками и даже настольных игр, таких как волшебные шахматы - с подвижными фигурами - и "Гусь".

"Папа действительно знает толк во всем". проносится у меня в голове, прежде чем я вдруг слышу мужской голос: "Перси, что ты делаешь на Олимпе?". И когда я оборачиваюсь, то вижу, что Перси обращается к мальчику, который старше меня на один, может быть, два года, у него светлые волосы, голубые глаза и довольно мускулистое телосложение, не говоря уже об интригующем шраме.

"Ты знаешь, что никого нельзя подпускать к хижине Большого Парня. Ты - ребенок Гермеса, помни, по крайней мере до тех пор, пока твой старик не решит потребовать тебя - если он вообще решит, я прав?" Мальчик смеется в конце, и хотя этот вопрос приводит меня в замешательство, я делаю шаг вперед, чтобы заявить о себе, говоря: "Я думаю, что это время наступит раньше, чем ты думаешь".

И блондин смотрит на меня потрясенно, когда я произношу: "Харрисон Юнона Блэк, сын Зевса. И у моего отца есть планы, согласно которым Перси будет востребован скорее раньше, чем позже". И хотя в глазах младшего светится счастье, я почти чувствую недоверие, исходящее от старшего и - как ни странно - опасно красивого парня.

<http://tl.rulate.ru/book/98803/3353231>